

Глава 3. Ритуализация прогресса

Выпускник университета вышколен и отобран для службы среди богатых мира сего. Безотносительно к утверждениям о солидарности с «третьим миром» каждый выпускник американского колледжа имеет образование, стоящее в пять раз больше, чем средний доход половины человечества. Латиноамериканский студент входит в это исключительное братство при условии, что на него потрачено по крайней мере в 350 раз больше общественных денег, чем на гражданина со средним доходом. За очень редкими исключениями, выпускник университета из бедной страны чувствует себя удобнее с североамериканскими и европейскими коллегами, чем с его невышколенными соотечественниками, и все студенты так академически обработаны, что чувствуют себя счастливыми только в компании товарищей по потреблению продуктов образовательной машины.

Современный университет позволяет инакомыслие только тем, кто был проверен и классифицирован как потенциально способный делать деньги или стоять у власти. Никто не получит средств, чтобы иметь возможность учиться самому или право обучать других, если он не получил соответствующее свидетельство. Школы отбирают для каждого следующего уровня тех, кто на более ранних стадиях игры доказал свою готовность придерживаться установленного порядка. Имея монополию на ресурсы обучения и право раздавать должности, университет всасывает в себя первооткрывателей и потенциальных инакомыслящих. Полученная степень оставляет несмываемый ярлык (с указанием цены) на послужном списке потребителя. Сертифицированные выпускники колледжа могут приспособиться только в том мире, в котором ярлык с указанием цены носят на лбу, позволяя определять, чего ждать от каждого. В любой стране уровень потребления выпускника колледжа задает стандарт для всех остальных - будь он человек из приличного общества или безработный, он будет стремиться к стилю жизни выпускников колледжа.

Университет, таким образом, имеет влияние на потребительские стандарты на работе и дома, и это происходит в любой части мира и при любой политической системе. Чем меньше в стране выпускников университета, тем большее количество их возросших требований принимается за образец остальной частью населения. Разрыв между потреблением выпускника университета и среднего гражданина в России, Китае и Алжире даже больше, чем в Соединенных Штатах. Автомобили, полеты на самолете и магнитофоны создают еще более заметное различие в социалистической стране, где только степень, а не деньги, как таковые, может дать такой уровень потребления.

Способность университета устанавливать цели потребителя - это нечто новое. Во многих странах университет приобрел эту власть только в 1960-х гг., так как именно тогда начало

распространяться заблуждение равного доступа к общественному образованию. Раньше университет защищал свободу слова человека, но не преобразовывал автоматически его знания в богатство. Быть ученым в Средневековье означало быть бедным, даже нищим. В силу своего призвания средневековый ученый, изучивший латынь, становился аутсайдером, достойным наряду с уважением также и пренебрежения крестьянина и принца, бюргера и клерикала. Для того чтобы продвинуться в этом мире, ученый сначала должен был пойти на государственную службу, предпочтительно церковную. Старый университет был свободной зоной для открытий и обсуждения идей новых и старых. Мастера и ученики собирались, чтобы читать тексты других мастеров, давно умерших, и живые слова мертвых классиков создавали новую перспективу для ошибок сегодняшнего дня. Университет в те времена сочетал академические поиски с общей захваченностью проблемой.

В современном университете, где существует великое множество специализаций, это сообщество разбежалось по мелким группкам, теперь их встречи проходят в студенческой конуре, офисе преподавателей или каморке капеллана. Структурная цель современного университета имеет мало общего с традиционными поисками истины. Со времен Гутенберга дисциплинированная критическая дискуссия переместилась с кафедры в печать. Современный университет утратил свой шанс создать обстановку для столкновения различных мнений, может быть, и анархических, однако спонтанных и кипучих, и вместо этого начал управлять процессом, следующим инструкции и производящим так называемое исследование.

Американский университет со времен спутника пытается догнать Советский Союз по уровню подготовки выпускников. А сейчас и немцы отказываются от академической традиции и строят «университетские городки», чтобы догнать американцев. В течение нынешнего десятилетия расходы на среднюю школу планируется увеличить с 14 до 59 млрд немецких марок и больше чем втрое увеличить расходы на высшее образование. Французы собираются к 1980 г. поднять расходы на школу до 10% ВВП, а Фонд Форда подталкивает бедные страны в Латинской Америке поднять расходы на душу населения для «респектабельных» выпускников до североамериканского уровня. Студенты воспринимают свои занятия как инвестиции с самыми высокими дивидендами, а государства видят в них ключевой фактор своего развития.

Для большинства студентов, которым прежде всего нужна степень, университет не потерял своего престижа, но начиная с 1968 г. он явно утратил свой статус в глазах верующих. Студенты отказываются готовиться к войне, продолжать загрязнение среды и сохранять нынешние предрассудки. Преподаватели солидаризируются с ними в сомнениях относительно законности правительства, его внешней политики, образования и американского образа жизни. Кое-кто отвергает степени и готовится к жизни в контркультуре, вне этого сертифицированного общества. Они, кажется, выбирают путь средневековых Фратичелли и Алумбрадос Реформации, хиппи и других изгоев современности. Другие признают монополию школ на ресурсы, которые нужны им самим, чтобы строить иное общество. Они поддерживают друг друга, стараясь сохранить достоинство, подчиняясь академическому ритуалу, формируют, если можно так выразиться, рассадник ереси прямо внутри иерархии.

Однако большая часть населения смотрит на эту современную мистику и современных ересиархов с тревогой. Они угрожают экономике потребления, демократии и самоощущению Америки. Но они не могут отступить. Малую их часть можно заманить обратно, если проявить достаточно терпения и тонкости, например, предложив им преподавать их ересь. В общем, применяется весь набор средств, который позволяет либо избавляться от диссидентов, либо уменьшать важность университета, который служит им базой для протеста.

Студенты и целые факультеты, подвергающие сомнению законность университета, платят за это высокую цену и, конечно, не чувствуют, что они устанавливают стандарты потребления или развивают систему производства. Основатели таких групп, как Комитет обеспокоенных азиатских ученых или Североамериканский конгресс по Латинской Америке (NACLA), немало потрудились, чтобы миллионы молодых людей радикально изменили свое восприятие действительности зарубежных стран. Другие пытались разработать марксистские интерпретации американского общества или были ответственными за расцвет коммун. Так или иначе, достижения этих групп заставляют по-новому увидеть, что существование университета необходимо, чтобы обеспечить длительную социальную критику.

В положении университета обстоятельства сошлись таким образом, что позволяют некоторым из его членов критиковать все общество. Он дает время, подвижность, доступ к сверстникам и информации, а также некоторую безнаказанность - привилегии, не всегда доступные другим слоям населения. Но университет дает эту свободу только тем, кто уже глубоко увяз в обществе потребления и чувствует потребность в обязательном государственном образовании.

Школьная система сегодня выполняет триединую функцию, характерную, как видно из истории, для могущественных церквей. Она является одновременно хранилищем социальных мифов, средством узаконения противоречий, содержащихся в этих мифах, и центром ритуальных действий, воспроизводящих и поддерживающих расхождения между этими мифами и реальностью. Сегодня вся школьная система, а особенно университет, дает вполне достаточную возможность для критики мифа и для восстания против его институциональных извращений. Но ритуал, который требует терпимости к фундаментальным противоречиям между мифом и социальными институтами, все еще считающимися бесспорными, закрытыми для идеологической критики и социального действия, может перенести этот миф в новое общество. Только полное разочарование и отделение от этого главного социального ритуала, его преобразование могут вызвать достаточно радикальную перемену.

Американский университет стал заключительной стадией наиболее всеобъемлющего обряда инициирования, который мир когда-либо знал. Нет такого общества в истории человечества, которое умело бы обходиться без ритуалов или мифов. Наше, однако, первое, которому понадобились такие тоскливые, затяжные, деструктивные и дорогостоящие процедуры посвящения в его мифы. И именно современная цивилизация впервые сочла необходимым как-то оправдать свой основополагающий ритуал инициации, называемый образованием. Мы не сможем начать реформу образования, пока не поймем, что ритуал школьного

обучения не обеспечивает ни индивидуального учения, ни социального равенства. Мы не сможем преодолеть потребительский характер нашего общества, пока не осознали, что обязательное государственное образование с неизбежностью воспроизводит такое общество, чему бы в нем ни учили.

Предлагаемый мною проект по демифологизации образования не может ограничиваться университетами. Пытаться реформировать университеты, не трогая систему, неотъемлемой частью которой они являются, все равно, что решиться перестраивать Нью-Йорк, начиная с 12-го этажа. Большинство реформ, осуществляемых в наше время на уровне колледжей, напоминают строительство многоэтажных трущоб. По-настоящему новые университеты может создать только поколение, выросшее без обязательных школ.

Миф о согласованных ценностях

Школа приобщает нас к мифу бесконечного потребления. Этот современный миф основан на вере в то, что процесс производства неизбежно порождает что-то ценное, и поэтому производство обязательно рождает спрос. Школа учит нас, что только обучение порождает учение. И тогда само существование школ порождает спрос на обучение. А как только мы научаемся нуждаться в школе, мы и во всем остальном становимся своего рода клиентами по отношению к тем или иным специализированным учреждениям. Отказав в социальном признании и уважении человеку, приобретшему образование самостоятельно, общество ставит под подозрение любую непрофессиональную деятельность. В школе мы усваиваем, что результаты учения зависят от посещаемости; что они тем выше, чем больше мы ходим в школу; и, наконец, что эти результаты могут быть измерены и зафиксированы документами и удостоверениями.

На самом же деле учение - это такая человеческая деятельность, которая в наименьшей степени нуждается в руководстве со стороны других людей. Истинное образование по большей части не является результатом обучения. Оно возникает в результате свободного участия в осмысленной деятельности. Большинство людей лучше всего учится именно так, а школа заставляет их поверить, что их личный познавательный рост обеспечивается тщательным планированием и руководством.

Признав необходимость школы, человек становится легкой добычей и для других институтов. Однажды позволив ограничить свою любознательность обучением по расписанию и учебному плану, молодые люди готовы подчиниться любому внешнему планированию. Обучение душит их порывы. Их уже нельзя предать - можно только обсчитать, ведь их учили ожидать, а не надеяться. Их больше не поражают поступки других людей - ни добрые, ни злые, ведь их научили, чего можно ждать от всякого другого человека, которого учили так же, как их. И это отношение равно распространяется и на людей, и на механизмы.

Такой перенос ответственности с личности на учреждение надежно обеспечивает социальный регресс, особенно когда он считается обязательным. Так, восстававшие в годы учения против порядков в своей альма-матер выпускники добиваются мест на ее кафедрах, вместо того чтобы самим набраться мужества и заразить других идеей личного

самостоятельного учения и принятия полной ответственности за его результаты. Это как бы новая версия истории об Эдипе, который женится на собственной матери и заводит с нею детей, - история об Эдипе-учителе. Мужчина, привыкший к обучению, ищет прибежища в принудительном преподавании. Женщина, считающая свои знания результатом специально организованного процесса, стремится воспроизводить его в других.

Миф об измеряемых ценностях

Ценности, навязываемые школой, измеримы. Школа вводит молодых людей в мир, где все может быть измерено: и человеческие порывы, и сам человек.

Но личностный рост не измерить. Это развитие дисциплинированного сомнения не поддается измерению никаким эталоном, учебным планом, сравнением с чужими достижениями. В таком учении можно подражать другим только в творческих усилиях и скорее следовать по их стопам, чем подражать их походке. Для меня ценное учение - это воссоздание, которое невозможно измерить.

Школа осмеливается разбивать учение на «содержание» по предметам, вколачивать в ученика программу, составленную из этих готовых блоков, и оценивать результаты в международном масштабе. Люди, подчинившиеся чужим стандартам измерения собственного личностного роста, очень быстро начинают сами применять к себе эти правила. Им уже не надо указывать их место, они сами расползаются по предписанным щелям, втискиваются в ниши, к которым приучены стремиться, попутно расставляя по местам и своих товарищей, - до тех пор, пока всё и все не приведены в полное соответствие.

Вышколенные до нужного состояния люди уже не способны заметить неизмеримое. Все, что не может быть измерено, для них второстепенно и опасно. Их не лишит творчества - они на него не способны. Рабы обучения, они разучились делать что-нибудь свое и быть самими собой и ценят только то, что сделано или могло быть сделано.

Однажды согласившись с навязываемым школой представлением о том, что все ценное производимо и измеримо, люди склонны принимать любое ранжирование. Всему своя шкала - развитию государств, интеллекту младенцев, и даже прогресс в борьбе за мир можно оценить по изменению числа жертв войны. В вышколенном мире дорога к счастью вымощена потребительскими индексами.

Миф об упакованных ценностях

Школа продает учебный план - группу товаров, изготовленных посредством того же процесса и имеющего такую же структуру, как и другие товары. Производство учебного плана для большинства школ начинается с якобы научного исследования, на основании которого образовательные инженеры предсказывают будущий спрос и создают инструменты для сборочной линии в рамках имеющегося бюджета и установленных табу. Учитель-дистрибьютор поставляет готовое изделие ученику-потребителю, чьи реакции тщательно изучаются и фиксируются, чтобы обеспечить исследовательские данные для подготовки следующей модели, будь то обучение «без оценок», обучение по программам,

«разработанным учащимися», «обучение командой», «визуально поддержанное» или «проблемно-центрированное» обучение.

Результат процесса производства учебного плана очень похож на любой другой современный товар. Это набор спланированных смыслов, пакет ценностей, вещь, чья «рассчитанная привлекательность» позволяет обеспечить ему достаточный рыночный успех, оправдывающий расходы на его производство. Потребителей-учеников учат приспособлять свои желания к имеющимся на рынке ценностям. Отметками и документами об образовании, которые обеспечат им место в соответствующей категории работников, их приучают чувствовать себя виноватыми, когда их поведение не соответствует предсказаниям исследователей потребительского спроса.

Педагоги оправдывают все более дорогостоящие учебные планы своими наблюдениями, из которых следует, что трудности учения растут прямо пропорционально стоимости учебного плана - в полном соответствии с законом Паркинсона: объем работы тем больше, чем больше ресурсов на нее отпущено. Этот закон подтверждается на всех уровнях школы: например, трудности чтения стали основной проблемой во французских школах с того момента, как стоимость обучения одного ученика в них приблизилась к американскому уровню 1950-х гг., когда трудности чтения стали главной проблемой в американских школах.

На самом же деле, чем больше школа пытается манипулировать учением, тем сильнее нормальный ученик сопротивляется обучению. Причина этого сопротивления вовсе не авторитарный стиль государственной школы и не атмосфера вседозволенности в некоторых свободных школах, а фундаментальное представление, общее для всех школ: не ученику решать, чему и когда он должен учиться, это дело других людей.

Миф о постоянном прогрессе

Как это ни парадоксально, но увеличение расходов на обучение одного ученика, даже если оно сопровождается снижением результатов обучения, увеличивает ценность ученика и в его собственных глазах, и на рынке. Школа старается во что бы то ни стало втянуть ученика в состязание за потребление все новых и новых учебных программ, в продвижение ко все более высоким уровням обучения. И чем выше он взбирается по образовательной пирамиде, тем больше денег тратится на поддержание у него мотивации к продолжению обучения. На более высоких уровнях системы образования эти расходы маскируются под новые футбольные стадионы, школьные (университетские) часовни или заманчивые названия (вроде программы «Международное образование»). Если школа чему-то и учит, то это ценность эскалации - ценность американского образа жизни.

Достойный пример такой логики - война во Вьетнаме. Ее успех измерялся числом людей, эффективно убитых дешевыми пулями, предоставленными по немыслимой цене, и эти варварские расчеты бесстыдно именовались «числом жертв». Бизнес есть бизнес, т.е. бесконечное накопление денег, а война есть убийство - бесконечное накопление мертвых тел. Точно так же образование есть обучение, и этот бесконечный процесс рассчитывается в ученикочасах. Процессы разные, но равно необратимые и самодостаточные. С точки зрения

экономики страна становится все богаче и богаче. С точки зрения учета смертности страна и дальше будет выигрывать в войне. А по школьным стандартам население становится все более и более образованным.

Школьные программы требуют все большего обучения, которое, даже если и обеспечивает их устойчивое поглощение учеником, никогда не приносит ему радости познания и удовлетворения. Всякий учебный предмет приходит к нему в упаковке с инструкцией, предписывающей определенную последовательность приема учебных «блюд», причем прошлогодняя упаковка всегда устареваеt уже для потребителя этого года. На этом строится рэкет учебного книгоиздания. Реформаторы от образования снова и снова обещают каждому новому поколению учащихся все самое новое и лучшее, а публика приучена школой хотеть именно то, что они предлагают. И тот, кто бросил школу и кому постоянно напоминают об упущенных возможностях, и ее выпускник, которого заставляют чувствовать себя ниже нового поколения учащихся, точно знают свое место в этом мошенническом ритуале и продолжают поддерживать общество, которое придумало для этой расширяющейся пропасти фрустрации эвфемизм «революция растущих запросов».

Однако развитие, понятое как бесконечное потребление, т.е. вечный прогресс, не может привести к зрелости. Приверженность общества бесконечному количественному росту не оставляет места естественному развитию.

Ритуальная игра и новая мировая религия

Возраст окончания школы в развитых нациях опережает рост продолжительности жизни. Эти две кривые через десять лет пересекутcя и создадут проблему для Джессики Митфорд и профессионалов, обеспокоенных «конечным образованием». Это мне напоминает позднее Средневековье, когда спрос на услуги церкви перерос продолжительность жизни, и было создано «чистилище», чтобы очистить души под контролем папы римского, прежде чем они смогут войти в вечный мир. Логически это привело сначала к торговле индульгенциями, а затем к попытке Реформации. Миф бесконечного потребления теперь занимает место веры в вечную жизнь.

Арнольд Тойнби указал, что упадок великой культуры обычно сопровождается возвышением новой мировой церкви, которая продлевает надежду собственному пролетариату при обслуживании потребностей нового воинского класса. Школа, кажется, чрезвычайно подходит на роль мировой церкви нашей распадающейся культуры. Никакое учреждение не могло бы лучше скрывать от его участников глубокое несоответствие между социальными принципами и социальной действительностью в сегодняшнем мире. Светское, научное, отвергающее смерть, это учреждение в ладу с современным настроением. Его классическая критическая маскировка делает его плюралистическим, если не антирелигиозным. Его учебный план одновременно и определяет науку, и сам определен так называемым научным исследованием. Никто не заканчивает школу - никогда. Она никогда не закрывает свои двери перед человеком без того, чтобы предложить ему еще один шанс: повышение квалификации, образование взрослых, непрерывное образование.

Школа постоянно создает и поддерживает социальный миф ритуальной игры градуируемых продвижений по службе. Введение в этот ритуал азартной игры намного более важно, чем то, что или как преподается. Это и есть сама игра - школы, которые входят в кровь и становятся привычкой. Целое общество введено в миф бесконечного потребления услуг. Это происходит в такой степени, что символическое участие в открытом ритуале сделано обязательным и маниакальным повсюду. Школа превращает ритуальную конкуренцию в международную игру, которая обязывает конкурентов играть, навлекая всемирные беды на тех, кто не может или не хочет играть. Школа - ритуал инициирования, который вводит неофита в священную гонку бесконечного потребления; ритуал примирения, при котором академические священники будут посредниками между верующим и богами привилегии и власти; ритуал искупления, которое жертвует отсеявшимися, клеймя их как недоразвитых козлов отпущения.

Даже те, кто провел в школе всего несколько лет - а это подавляющее большинство населения Латинской Америки, Азии и Африки, приучаются чувствовать себя виноватыми из-за недостаточного уровня потребления обучения. В Мексике 6 классов школы обязательны по закону. Среди детей, принадлежащих к наименее обеспеченной трети населения, только двое из трех поступают в 1 класс, а из поступивших только 4% завершают обязательное шестилетнее обучение. Среди детей, принадлежащих к средней по уровню доходов трети населения, вероятность окончить обязательную школу составляет 12%. И при этом Мексика более успешно, чем большинство других латиноамериканских республик, справляется с обеспечением государственного образования.

Теперь все дети и повсюду знают, что им давался шанс в этой обязательной лотерее, пусть и не наравне с другими, но предполагаемое равенство международных стандартов теперь дополняет изначальную бедность тех, кто не смог окончить школу, дискриминацией по признаку образования, которую они как бы сами на себя навлекли и с которой теперь вынуждены мириться. Они были обучены вере в растущие ожидания и теперь умеют объяснить причину своих неудач за пределами школы ранним отлучением от схоластических милостей. Они отлучены от небес потому, что, однажды крестившись, не ходили в церковь. Рожденные в первородном грехе, они крестятся в 1 класс, но идут в геенну (которая по-древнееврейски означает «трущоба») из-за личных ошибок. И вслед за Максом Вебером, который проследил социальные последствия веры в то, что спасены будут накопившие богатство, мы теперь видим, что благодать ожидает лишь тех, кто накапливает школьные годы.

Грядущее царство: универсализация ожиданий

Школа объединяет ожидания потребителя, выраженные в ее требованиях, с верованиями производителя, выраженными в ее ритуалах. Это - литургическое выражение всемирного «культа потребления», подобного тому, что охватил Меланезию в 40-х гг., - там люди верили, что, если бы они надели черный галстук на голое тело, Иисус приплыл бы на пароходе и привез им по холодильнику, паре брюк и швейной машине для каждого верующего.

Школа смешивает развитие в унижительной зависимости от учителя с развитием в бесполезном смысле стремления к всемогуществу, что так типично для новообращенных, стремящихся поскорее выйти в мир и научить народы спасаться. Ритуал скроен по строгим ортодоксальным канонам, и его цель состоит в том, чтобы праздновать миф земного рая бесконечного потребления, который является единственной надеждой для несчастного и отверженного.

Эпидемии этих жадных мирских ожиданий происходили постоянно в истории, особенно среди колонизированных и маргинальных групп во всех культурах. Евреи в Римской империи имели ессеев и еврейских мессий, крестьяне в Реформацию - Томаса Мюнцера, обездоленные индейцы от Парагвая до Дакоты - их заразных танцоров. Эти секты всегда были ведомы пророками, и ограничивал их обещания выбор немногих. Школа ожидает царства скорее безличного, чем пророческого, и скорее универсального, чем местного. Человек стал сам делать своего собственного мессию, и он обещает неограниченную награду науки тем, кто подчинится прогрессивной разработке его господства.

Новое отчуждение

Школа не только новая мировая религия. Это также всемирный быстро растущий рынок труда. Работа с потребителями стала основным сектором роста экономики. Поскольку в богатых нациях уменьшаются издержки производства, существует все растущая концентрация капитала и рабочей силы в этом обширном предприятии оснащения человека для дисциплинированного потребления. В течение прошлого десятилетия инвестиции капитала, непосредственно связанные со школьной системой, росли даже быстрее, чем расходы на оборону. Разоружение только ускорило бы процесс, при котором индустрия обучения перемещается в центр национальной экономики. Школа дает неограниченную возможность для узаконенной растраты, пока ее разрушительное действие не опознано, и стоимость соответственно растет.

Если мы добавим, что учились, полностью выполняя план посещения школы, мы поймем, что эта суперструктура стала главным предпринимателем общества. В Соединенных Штатах 62 млн человек находятся в школе и 80 млн работают в другом месте. Это часто забывают неомарксистские аналитики, которые говорят, что процесс освобождения от школ должен быть отложен до исправления других недостатков, традиционно понимаемых как более фундаментальные, и проведен в ходе экономической и политической революций. Но запланированная революционная стратегия может быть реалистичной только в том случае, если мы поймем, что школа - это промышленность. Для Маркса стоимость создания спроса на предметы потребления была всего лишь существенна. Сегодня человеческий труд в наибольшей степени используется в производстве требований, которые могут быть удовлетворены промышленностью, и это интенсифицирует использование капитала. Эта работа в основном сделана в школе.

Отчуждение, по традиционной схеме, было прямым последствием становления наемного труда, который лишал человека возможностей творчества и отдыха. Теперь молодые люди заранее отчуждены школами, которые изолируют их от общества, в то время как они

претендуют быть и производителями, и потребителями их собственного знания, которое и придумано как товар, выставленный на рынок в школе. Школа делает отчуждение подготовкой к жизни и этим лишает образование действенности и творчества. Школа готовит к отчуждающей институализации жизни, преподавая потребность в преподавании. Как только этот урок усвоен, люди теряют стимул независимого роста; они больше не находят привлекательным поиск связей, они отгораживаются от неожиданностей, которые предлагает жизнь, если они не predeterminedены установленным предписанием. И школа непосредственно или косвенно предоставляет работу основной части населения. Школа держит людей в стороне от жизни, пока не удостоверится, что они впишутся в какое-нибудь учреждение.

Новая мировая религия - это индустрия знаний, являющаяся для человека одновременно и поставщиком опиума, и рабочим станком на протяжении все большего числа лет жизни. Поэтому освобождение от школ стоит в центре любого движения за освобождение человека.

Революционный потенциал освобождения от школ

Конечно, школа не единственное современное учреждение, которое своей главной целью имеет формирование у человека видения действительности. Скрытый учебный план семейной жизни, карьеры, охраны здоровья, так называемого профессионализма или средств массовой информации играет важную роль в институциональной манипуляции мира человека - вырабатываются видение, язык и требования. Но школа поработает более глубоко и более систематически, поскольку только школе предоставлено формировать основную функцию критического суждения, и, как это ни парадоксально, она пытается это делать, изучая саму себя, других и природу зависимости от процесса расфасовки. Школа залезает в нас настолько глубоко, что никто не может освободиться от нее посредством чего-то иного.

Многие самостийные революционеры - жертвы школы. Для них даже «освобождение» - продукт институционального процесса. Только освобождение самого себя от школы развеет эти иллюзии. Откроем же, что в большинстве случаев учение не требует никакого преподавания и не может быть ни организовано, ни запланировано. Каждый из нас лично ответствен за собственное освобождение от школы и только он может сделать это. Нет оправдания человеку, если он окажется не в состоянии освободить себя от оболванивания. Люди не могли освободиться от короля до тех пор, пока, по крайней мере, некоторые из них не освободились от институциональной церкви. Они не смогут освободиться от бесконечного потребления, пока они не освободятся от обязательной школы.

Мы все связаны с обучением, как со стороны его производства, так и со стороны потребления. Мы суеверно убеждены, что хорошее учение - это что-то такое, что можно сделать с нами и что мы можем сделать это с другими. Наша попытка отойти от самой идеи школы встретит сопротивление, которое находится в нас самих, когда мы пробуем отказаться от безграничного потребления и распространенного заблуждения, что другими людьми можно управлять для их собственного блага. Никто полностью не свободен от эксплуатации других в процессе обучения.

Школа является и самым большим, и наиболее анонимным предпринимателем. Действительно, школа - лучший пример предприятия нового типа, после гильдии, фабрики и корпорации. Время многонациональных корпораций, которые преобладали в экономике, теперь прошло, и их могут в один прекрасный день сменить супернациональные планировочные службы. Эти предприятия предоставляют свои услуги таким способом, что люди чувствуют себя обязанными потребить их. Они интернационально стандартизированы, периодически пересматривают стоимость своих услуг и везде работают в одном и том же ритме.

«Перевозки», использующие новенькие автомобили и сверхскоростные шоссе, служат той же самой институционально расфасованной потребности в комфорте, престиже, скорости и набору новых приспособлений, позволяющих выяснить, произведены ли все эти компоненты государством или нет. Аппарат «медицинского обслуживания» определяет свойственный индивидууму вид здоровья, оплачено ли это обслуживание государством или самим человеком. Градуируемое продвижение по службе с получением диплома позволяет ученику занять место в той же самой международной пирамиде квалифицированных трудовых ресурсов, независимо от того, кто руководит школой.

Во всех этих случаях занятости - скрытая выгода: водитель частного автомобиля, пациент, который подлежит госпитализации, и ученик в классной комнате должны теперь рассматриваться как часть нового класса «служащих». Освободительное движение, которое начинается в школе, основано на понимании того, что учителя и ученики одновременно эксплуататоры и эксплуатируемые, оно может предвещать революционные стратегии будущего; для радикальной программы освобождения от школ следовало бы обучать молодежь в новом революционном стиле, бросающем вызов социальной системе, обязательными чертами которой являются «здоровье», «богатство» и «безопасность».

Риск восстания против школы нельзя предвидеть, но он все-таки не столь ужасен, как риск революции, начинающейся в любом другом основном учреждении. Школа еще не умеет защищаться так эффективно, как национальное государство или даже большая корпорация. Освобождение от власти школ могло бы пройти бескровно. Надзиратели и их союзники в судах и агентствах занятости могли бы принять очень жестокие меры против отдельного обидчика, особенно, если он оказался беден, но они могут оказаться бессильными против волны массового движения.

Школа стала социальной проблемой; ее атакуют со всех сторон, и граждане, и правительства поддерживают нетрадиционные эксперименты по всему миру. Они обращаются к необычным статистическим методам, чтобы поддержать веру и спасти лицо. Настроение среди педагогов очень похоже на настроение среди католических епископов после Ватиканского собора. Учебные планы так называемых «свободных школ» напоминают свободный фольклор или рок-музыку. Требования учеников средней школы иметь право выбирать себе учителей звучат так же, как требования прихожан, желающих выбирать своих пасторов. Но ставки для общества намного выше, если существенное меньшинство теряет веру в школьное обучение. Это подвергло бы опасности выживание не только экономического порядка, построенного на совместном производстве товаров и спросе на них, но также политического порядка, построенного на национальном государстве, который

ученики постоянно принимают благодаря школе.

Наш выбор достаточно ясен. Или мы продолжаем полагать, что институционализированное учение - продукт, оправдывающий неограниченные инвестиции, или же мы снова обнаруживаем, что законодательство, планирование и инвестиции, если они имеют место в формальном образовании, должны использоваться главным образом для того, чтобы сокрушить барьеры, которые теперь препятствуют возможностям для учения, которое может быть только личной деятельностью.

Если мы не бросаем вызов предположению, что ценное знание является товаром, который при определенных обстоятельствах можно насильно втиснуть в потребителя, общество будет все более погрязать во власти зловещих псевдошкол и тоталитарных менеджеров информации. Педагогические врачи будут наркотизировать своих учеников еще больше, чтобы лучше преподавать, и ученики будут наркотизироваться самостоятельно еще больше, чтобы получить облегчение от давления учителей и гонки за удостоверениями. Все большее количество бюрократов будут изображать из себя учителей. Учительский язык уже присвоен рекламными агентами. Теперь генерал и полицейский будут пытаться выдать свои профессии за педагогические. В вышколенном обществе находят образовательное объяснение и развязывание войны, и гражданские репрессии. Педагогическая война, вроде вьетнамской, будет все более оправдываться и выдаваться за единственный путь обучения людей нетленной ценности бесконечного прогресса.

Репрессии будут рассматриваться как усилия миссионера ускорить прибытие механического мессии. Все больше стран обратятся к педагогической пытке, уже применяемой в Бразилии и Греции. Эта педагогическая пытка используется не для того, чтобы извлечь информацию или удовлетворить психические потребности садистов. Она полагается на случайный террор как средство нарушить устойчивость населения в целом и сделать его пластичным материалом для обучения, изобретенного технократами.

Полностью деструктивный и постоянно прогрессирующий характер обязательного обучения завершит логику такого развития, если мы не начнем прямо сейчас освобождаться от нашей педагогической гордости, от нашей веры, что человек может делать то, чего не может Бог, а именно манипулировать другими людьми ради их собственного спасения.

Многие только сейчас начинают понимать, какое разрушительное воздействие оказывает производство на окружающую среду, но не имеют власти изменить эти тенденции.

Манипуляция людьми, начатая в школе, также достигла роковой черты, и большинство людей все еще не осознает этого. Они все еще одобряют школьную реформу, поскольку Генри Форд III предлагает менее ядовитые автомобили.

Дэниел Белл говорит, что нашу эпоху характеризует чрезвычайно глубокое расхождение между культурными и социальными структурами, одно из них связано с апокалипсическим отношением к жизни, а другое - с технократическим принятием решения. Это, конечно, справедливо для многих образовательных реформаторов, которые осуждают почти все, что характеризует современные школы, и в то же время предлагают новые школы.

В своей книге «Структура научных революций» Томас Кун доказывает, что такое разногласие неизбежно предшествует появлению новой познавательной парадигмы. Факты, сообщенные теми, кто наблюдал свободное падение, теми, кто возвратился с другой стороны Земли, и теми, кто использовал новый телескоп, не соответствовали птолемеевскому мировоззрению. Совершенно неожиданно была принята ньютоновская парадигма. Диссонанс, который сегодня характеризует многих из молодого поколения - не то, чтобы когнитивный, но как отношение к миру, - чувство невозможности это выносить. И самое удивительное, что очень многие все-таки способны это терпеть.

Способность преследовать несообразные цели требует объяснения. Согласно Макс Глукману, все общества имеют процедуры, чтобы скрывать такие диссонансы от их членов. Он говорит, что это и является целью ритуала. Ритуалы могут скрывать от их участников даже несоответствия и конфликты между социальными принципами и социальной организацией. Пока человек явно не осознает ритуальный характер процесса, посредством которого он был допущен к силам, которые формируют его космос, он не может сбросить чары и сформировать новый космос. Пока мы не поймем ритуал, посредством которого школа формирует прогрессирующего потребителя - главный ресурс экономики, мы не сможем разрушить очарование этой экономики и сформировать новую.

Версия #1

Зверобой создал 22 мая 2025 23:21:03

Зверобой обновил 22 мая 2025 23:21:43